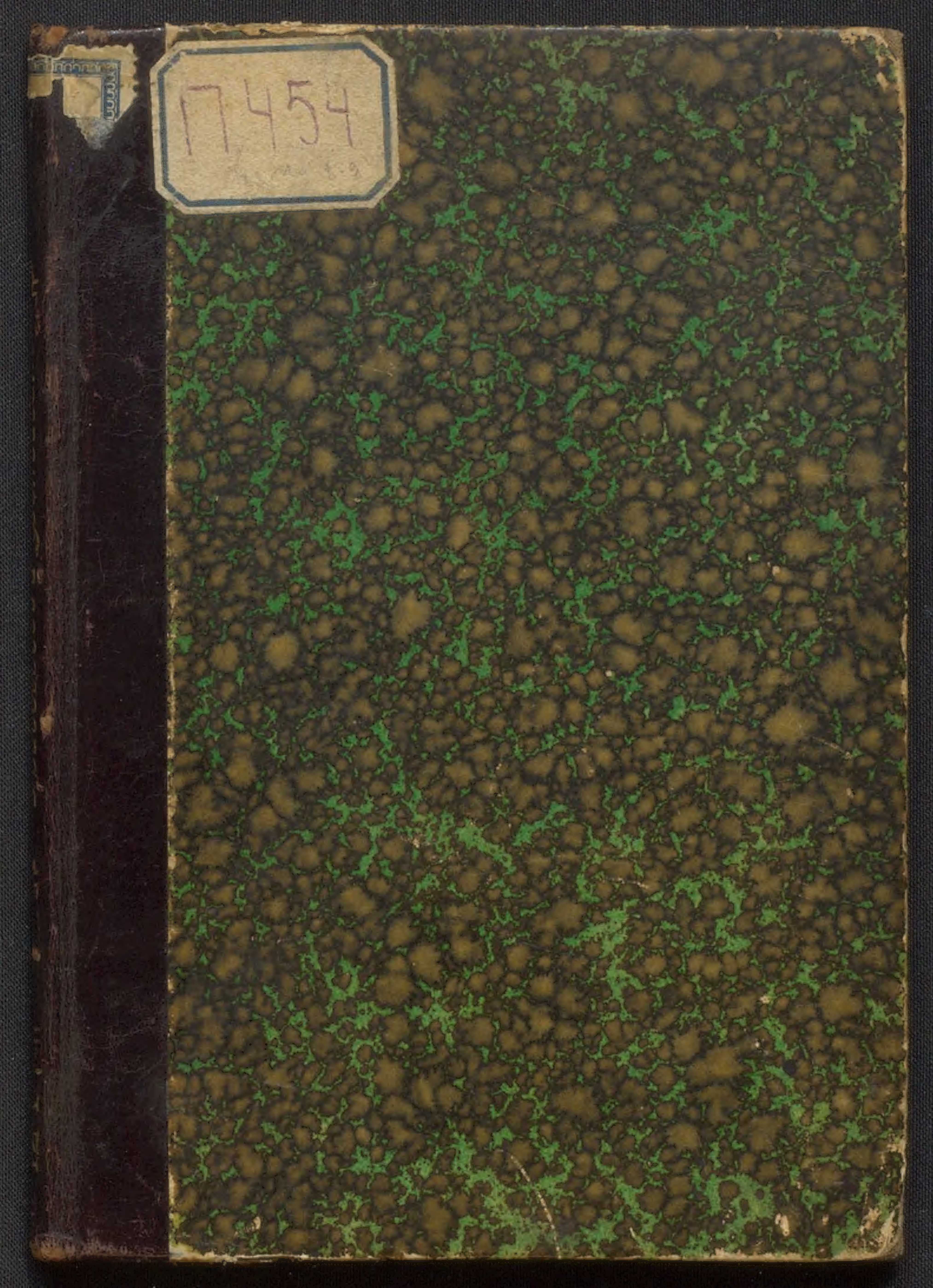
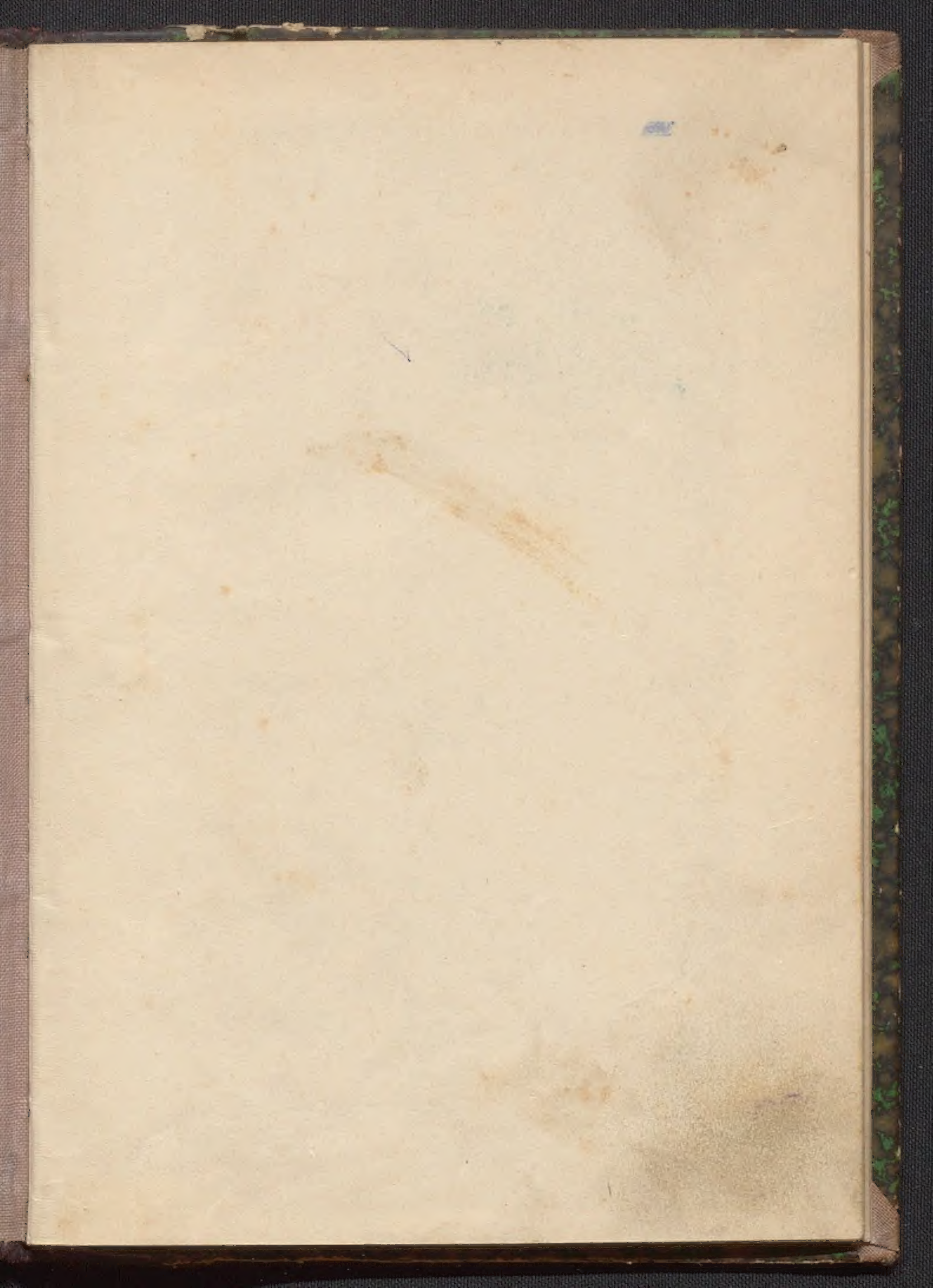
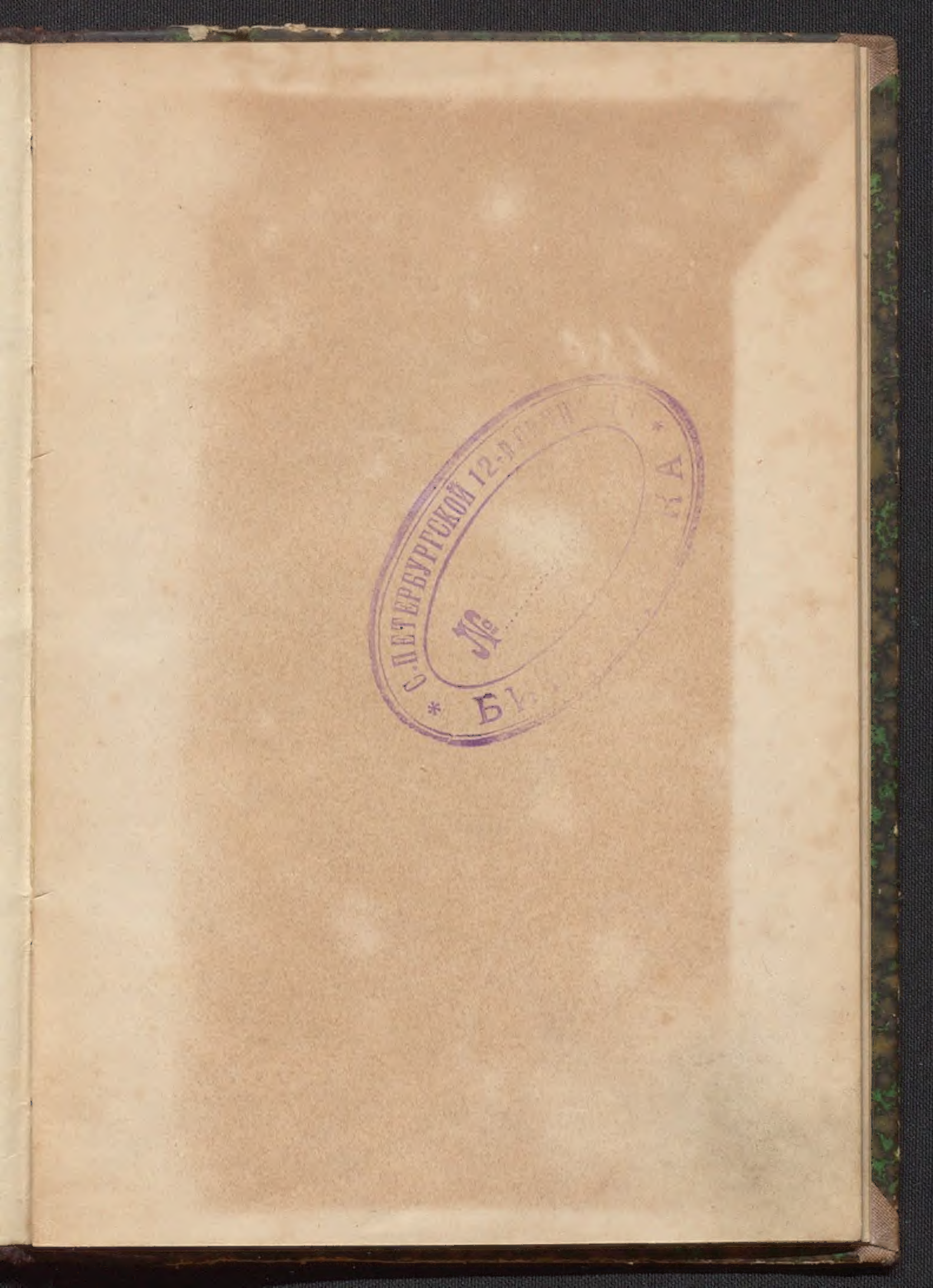

П.454

С.ПЕТЕРБУРГСКОЙ 12-
№

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ГРИБОѢДОВЪ.

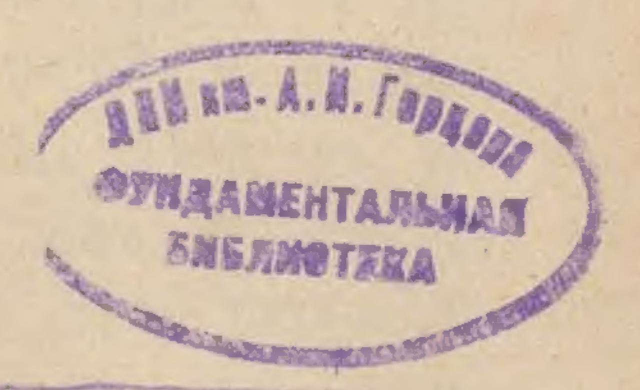
Составилъ К. П. М.

Подъ редакціей Вс. С. Соловьева.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Съ портретомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 14.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Ноября 1899 г.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

I.

«Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчесться единожды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и праздной разсѣянностью, уѣхалъ въ Грузію, гдѣ прожилъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Чрезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое попри-

ще и онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, онъ женился на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ его бурной жизни».

Такими словами почтилъ память Грибоѣдова величайшій русскій поэтъ—Пушкинъ. Въ этихъ немногихъ словахъ разсказана вся жизнь Грибоѣдова. Къ нимъ необходимо прибавить лишь нѣсколько подробностей.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 4 января 1795 г., въ богатой и очень образованной дворянской семьѣ. Конечно, образованные родители приложили всѣ старанія къ тому, чтобы и сыну дать прекрасное образованіе. Александру Сергѣевичу еще не было 16 лѣтъ, когда онъ, блестяще сдавъ экзаменъ, поступилъ въ Московскій университетъ. Окончаніе Грибоѣдовымъ университета совпало съ началомъ отечественной войны.

Юноша, воспитанный въ духѣ живой и дѣятельной любви къ родинѣ, захотѣлъ непремѣнно стать въ ряды ея защитниковъ и записался сперва въ московскій гусарскій, а потомъ въ иркутскій полкъ, стоявшій подъ Брестъ-Литовскомъ. Но полкъ ни разу не принялъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и молодому Грибоѣдову не пришлось извѣдать боевого крещенія.

По окончаніи войны Александръ Сергѣевичъ вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ. У него уже успѣли образоваться кое какія литературныя знакомства.

Въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ стоялъ его полкъ, онъ подружился съ княземъ Шаховскимъ, страстнымъ любителемъ и серьезнымъ знатокомъ театра, а также съ Бѣгичевымъ, романы котораго, теперь забытые, нравились тогдашней публикѣ. Александръ Сергѣевичъ и самъ началъ пописывать, такъ что, пріѣхавъ въ Петербургъ, могъ сразу выступить со своимъ первымъ литературнымъ опытомъ и въ печати, и на сценѣ. Но опытъ этотъ,—комедія въ одномъ дѣйствіи,—не имѣлъ успѣха. Къ тому же Грибоѣдовъ сущность своей пьесы и многія подробности заимствовалъ съ французскаго.

Какъ-бы тамъ ни было, первый шагъ имѣлъ для Александра Сергѣевича рѣшающее значеніе и укрѣпилъ въ немъ мысль, что его призваніе—писать для театра. Вмѣстѣ со своими пріятелями, Жандромъ и Катенинымъ, онъ передѣлалъ съ французскаго комедію въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ» и перевелъ, также съ французскаго, комедію «Притворная невѣрность».

«Притворная невѣрность» была разыграна на сценѣ лучшими петербургскими актерами того времени, но публикѣ совершенно не

понравилась и ее перестали давать. Однако, Грибоѣдовъ не смутился неудачею и въ слѣдующемъ же году, вмѣстѣ съ писателями Хмельницкимъ и Шаховскимъ, сочинилъ новую пьесу—«Свои люди».

Конечно, еслибы Александръ Сергѣевичъ не пошелъ дальше этихъ юношескихъ, неуспѣшныхъ опытовъ, его имя было-бы давнымъ давно забыто, какъ имена тысячи способныхъ людей, подобнымъ же образомъ пробовавшихъ свои силы. Но въ Грибоѣдовѣ отъ природы былъ заложенъ крупный талантъ и требовалось только время, чтобы онъ созрѣлъ.

Между тѣмъ, сочиняя неудачныя пьесы, Александръ Сергѣевичъ отдавалъ дань молодости, проказничалъ, забавлялся съ веселыми пріятелями и вообще велъ жизнь, что называется, разсѣянную. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, составилось бы мнѣніе о немъ, какъ о безпечномъ и пустомъ человѣкѣ, если-бы онъ не обладалъ замѣчательною способностью буквально очаровывать тѣхъ, кто узнавалъ его поближе; къ тому-же блестящія дарованія сказывались въ немъ съ полною очевидностью, несмотря на довольно необузданный характеръ.

Въ 1818 году, когда Грибоѣдову было 23 года, онъ получилъ мѣсто секретаря посоль-

ства въ Персіи. Служба началась и пошла успѣшно. Александръ Сергѣевичъ забылъ свои петербургскія проказы, принялся усердно работать и только отсутствіе друзей и общества порою дѣлало тяжелымъ его пребываніе «между дикообразными азіатцами», какъ писалъ онъ своему пріятелю Бѣгичеву. Въ Персіи, въ 1821 г., Грибоѣдовъ началъ писать комедію «Горе отъ ума», которая вскорѣ пріобрѣла ему самую громкую извѣстность и поставила его, по выраженію Пушкина, «на ряду съ первыми нашими поэтами».

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ Александра Сергѣевича утверждаетъ въ воспоминаніяхъ о немъ, будто мысль написать «Горе отъ ума» пришла ему во снѣ: «Грибоѣдовъ мечталъ однажды о столицахъ, оставленныхъ друзьяхъ и театрѣ. Заснувши, онъ увидѣлъ себя разсказывающимъ друзьямъ своимъ планъ новой комедіи и читавшимъ изъ нея отрывки. Проснувшись, онъ въ ту же ночь написалъ планъ «Горя отъ ума» и нѣсколько сценъ перваго дѣйствія».

Такъ это было или не такъ—вопросъ несущественный. Несомнѣнно лишь одно: знаменитая комедія создалась не случайно и для того, чтобы написать произведеніе, подобное «Горю отъ ума», Грибоѣдовъ долженъ былъ обла-

дать не только большимъ талантомъ, но и глубокимъ знаніемъ жизни и людей, умѣніемъ отчетливо представить ихъ дурныя и хорошія стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разъяснить—откуда берется въ изображенныхъ имъ людяхъ все смѣшное, злое и глупое.

Весьма вѣроятно, что одиночество, которое приходилось испытывать Грибоѣдову «между дикообразными азіатцами», много помогло ему разобраться въ прежнихъ воспоминаніяхъ. Издали онъ лучше и отчетливѣе разглядѣлъ всѣ особенности того общества, среди котораго еще недавно жилъ, всѣ странныя и смѣшныя свойства людей, съ которыми еще недавно велъ знакомство, всѣ ихъ нелѣпыя понятія и предразсудки.

Въ исходѣ 1822 года комедія была уже готова, а въ мартѣ слѣдующаго года Грибоѣдовъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Москву. Когда онъ прочиталъ «Горе отъ ума» своимъ друзьямъ и знакомымъ писателямъ, они поняли сразу, что новое произведеніе Александра Сергѣевича не имѣетъ ничего общаго ни со «Студентомъ», ни съ «Притворной невѣрностью». Грибоѣдовъ раскрылъ передъ ними весь блескъ своего громаднаго таланта. Комедію начали переписывать, заучивать наизусть и скоро она получила самую широкую извѣстность въ обществѣ, не

смотря на то, что Грибоѣдову не дозволили ее напечатать. Первое печатное изданіе «Горя отъ ума» появилось въ 1833 году, въ Москвѣ, уже послѣ смерти Грибоѣдова. Такъ-же точно и первое представленіе комедіи на сценѣ не застало Александра Сергѣевича въ живыхъ. Но судьба все же дала ему возможность насладиться первымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ долгъ службы призывалъ Грибоѣдова, и въ 1825 году онъ отправился въ Грузію, къ знаменитому генералу Ермолову, при которомъ былъ назначенъ чиновникомъ по дипломатической части. Ермоловъ высоко цѣнилъ замѣчательныя дарованія Александра Сергѣевича и оказывалъ ему сердечное расположеніе. Такъ-же точно не приходилось Грибоѣдову жаловаться и на Паскевича, съ которымъ онъ сдѣлалъ въ 1827 году походъ въ Персію и который отослалъ его въ слѣдующемъ году въ Петербургъ для представленія императору Николаю Павловичу договора съ Персіей. Государь щедро наградилъ Грибоѣдова и назначилъ его полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ.

Казалось, Грибоѣдовъ долженъ былъ радоваться такому быстрому и важному успѣху. Но онъ не радовался и ѣхалъ въ Персію скрѣпя сердце. «Чувствую, что не увижу болѣе Россіи,

тамъ моя могила», говорилъ онъ друзьямъ, собравшимся на его проводы. Объ этомъ сохранились также и воспоминанія Пушкина: «Я разстался съ нимъ,— пишетъ великій поэтъ,— въ прошломъ (т. е. въ 1828 году), въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: «вы не знаете этого народа». Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей».

Проѣзжая въ Персію черезъ Тифлисъ, Грибоѣдовъ женился тамъ на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе. Не долго пришлось ему наслаждаться супружескимъ счастьемъ, но за то велико было это счастье. Нельзя представить себѣ любовь нѣжнѣе и преданнѣе той, которую Нина Александровна питала къ мужу.

Смертельный часъ Грибоѣдова приближался. По обязанностямъ службы, Александру Сергѣевичу представилась необходимость съѣздить въ Тегеранъ (столица Персіи). Онъ поѣхалъ на самый короткій срокъ, сгорая отъ нетерпѣнія вернуться къ молодой, любимой женѣ и — не вернулся. Въ Тегеранѣ Грибоѣдову суждено было погибнуть трагическою, но вмѣстѣ и геройскою смертью.

Произошло это печальное событіе слѣдующимъ образомъ.

Во время войны съ Россіей, въ 1827 году, персы захватили въ плѣнъ многихъ грузинскихъ и армянскихъ дѣвушекъ. Теперь, по окончаніи войны, Грибоѣдовъ требовалъ, чтобы ихъ освободили и вернули на родину. Шахъ не смѣлъ не исполнить этого требованія и вообще старался всѣми мѣрами выказать свое расположеніе посланнику могущественной побѣдительницы, Россіи. Онъ пожаловалъ ему высшій персидскій орденъ, осыпанный алмазами, богатое золотое ожерелье, мѣшокъ съ тысячью червонцевъ, лошадь съ золотой уздечкой, украшенной драгоцѣнными каменьями, золотую цѣпь и сѣдло съ золотой бляхой. Но тѣ персы, которымъ приходилось возвращать купленныхъ ими грузинскихъ и армянскихъ плѣнницъ, были сильно раздражены противъ Грибоѣдова. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ очень богатый и вліятельный, по имени Али-Яръ-Ханъ, началъ возмущать чернь и подговаривать ее къ мятежу. Деньгами и обѣщаніями онъ добился своего. Чернь бросилась на посольскій домъ и порубила казаковъ. Въ схваткѣ съ мятежниками погибъ и Грибоѣдовъ. Еслибы захотѣлъ, онъ могъ-бы спастись: ему предлагали бѣжать изъ посольскаго дома дорогой, еще не занятой разсвирѣпѣвшей

толпою, но Грибоѣдовъ отказался покинуть свой постъ и погибъ на немъ какъ истинный герой и истинный сынъ Россіи.

Когда извѣстіе объ убійствѣ Грибоѣдова дошло до императора Николая Павловича, гнѣву государя, казалось, не было границъ. Долго и униженно вымаливалъ у него прощеніе персидскій посолъ и государь простилъ только потому, что ужасное событіе дѣйствительно произошло лишь вслѣдствіе крайняго своеволія и распущенности черни. Виновныхъ шахъ наказалъ со всею жестокостью.

Тѣло Александра Сергѣевича было перевезено въ Тифлисъ. Скромный и печальный поѣздъ встрѣтился въ пути Пушкину, странствовавшему въ то время по Кавказу. Пушкинъ только что перевалилъ изъ Грузіи въ Арменію и ѣхалъ высокимъ берегомъ рѣки, противъ крѣпости Гергеры. «Три потока, -разсказываетъ онъ, — съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу.— «Откуда вы?»—спросилъ я ихъ.—«Изъ Тегерана».—«Что вы везете?» — «Грибоѣда». — «Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ».

«Онъ погибъ, —добавляетъ Пушкинъ, —

подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда простреленной пистолетною пулей» (на поединкѣ).

Горе молодой жены Грибоѣдова было безгранично. Слѣдуя завѣту мужа, она похоронила его въ монастырѣ св. Давида, близъ Тифлиса. На могилѣ Нина Александровна поставила великолѣпный памятникъ—крестъ на высокомъ гранитномъ устоѣ; у подножья креста—колѣнопреклоненная жена. Глубоко-трогательная надпись украшаетъ памятникъ: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?»

Такимъ языкомъ умѣетъ говорить только любящее женское сердце.

II.

Успѣхъ, выпавшій на долю «Горя отъ ума» еще въ то время, когда комедія не была ни напечатана, ни играна на сценѣ, разумѣется долженъ былъ сильно возрасти, когда она сдѣлалась извѣстною всѣмъ мало-мальски образованнымъ людямъ. Чѣмъ же замѣчательна

эта комедія? Почему она до сихъ поръ считается украшеніемъ нашей литературы и врядъли когда либо забудется?

«Горе отъ ума» написано въ 1821—22 г. Мѣсто дѣйствія комедіи—Москва, дѣйствующія въ ней лица—представители высшаго московскаго общества двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Немудрено, что современники Грибоѣдова, восхищаясь его комедіей (или наоборотъ, порицая ее), видѣли въ изображенныхъ авторомъ лицахъ—живыхъ людей, своихъ знакомыхъ и даже называли ихъ по именамъ. Но прошло три четверти вѣка съ тѣхъ поръ, люди эти давнымъ давно перемерли, имена ихъ забыты, а «Горе отъ ума» нисколько не утратило своего значенія. Значитъ, успѣхъ комедіи не зависѣлъ отъ того только, что Грибоѣдовъ искусно изобразилъ въ ней нравы современнаго ему общества. Значитъ, въ герояхъ его произведенія было нѣчто такое, что присуще людямъ всѣхъ временъ и что мы неизмѣнно находимъ въ каждомъ обществѣ.

Главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи — четверо. 1) Павелъ Аѳанасьевичъ Фамусовъ, богатый московскій чиновникъ, 2) его дочь, Софья Павловна, 3) Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова и 4) Александръ Андреевичъ Чацкій, молодой дворянинъ, вос-

питывавшійся вмѣстѣ съ Софьей Павловной и теперь только что вернувшійся изъ путешествія.

Сущность комедіи состоитъ въ томъ, что Чацкій, любящій Софью Павловну, возвратившись изъ заграничнаго путешествія, находитъ въ ней громадную перемѣну. Онъ надѣялся, что молодая дѣвушка сохранитъ за время разлуки, то же чувство къ нему, какое питала ранѣе. Но Софья болѣе не любитъ Чацкаго. Ее плѣнилъ Молчалинъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожный, прокладывающій себѣ дорогу въ жизни низкопоклонствомъ и угодничествомъ. Софья знаетъ насмѣшливый и смѣлый умъ Чацкаго, знаетъ его злой языкъ. Она боится его и за себя, и еще больше—за Молчалина. Сама Софья Павловна далеко не глупа и не можетъ не сознавать въ глубинѣ души, что ея новый избранникъ какъ нельзя легче способенъ дать пищу остроумію и злымъ насмѣшкамъ Чацкаго. При одной мысли объ этомъ ея самолюбіе уязвлено и она невольно ощущаетъ враждебное чувство къ товарищу дѣтства.

Отецъ Софьи, Фамусовъ, тоже не обнаруживаетъ расположенія къ Чацкому. Фамусовъ полонъ предразсудковъ и условныхъ понятій своей среды. Чацкій человѣкъ молодой, свѣжій, хорошо образованный, со смѣлымъ

умомъ и независимыми взглядами. Почти все то, что Фамусовъ считаетъ важнымъ, нужнымъ и полезнымъ, Чацкому кажется смѣшнымъ, дикимъ и нелѣпымъ. Фамусова нельзя назвать глупымъ человѣкомъ, по своему онъ даже уменъ, только его умъ направленъ совсѣмъ не въ ту сторону, въ которую направленъ умъ Чацкаго. Богатый, видный чиновникъ онъ заботится единственно о томъ, изъ чего можетъ извлечь пользу лично для себя. До пользы государственной и общественной ему нѣтъ никакого дѣла. На свою службу онъ не смотритъ какъ на плодотворную, производительную работу. Нѣтъ, служба ему нужна только для того, чтобы получать деньги, награды и отличія, пристраивать родныхъ къ тепленькимъ мѣстечкамъ, играть болѣе или менѣе почетную роль въ обществѣ и т. п. Знакомясь и сходясь съ людьми, онъ не разбираетъ, хорошіе это люди, или дурные. Если человѣкъ и хорошъ, да не богатъ, не вліятеленъ, не можетъ быть полезенъ Фамусову—что въ немъ толку? Если на оборотъ, онъ негодяй и плутъ или непроходимый глупецъ, да имѣетъ сильную родню или богатство, или громкое имя—Фамусовъ принимаетъ его съ распростертыми объятіями.

Очевидно, Чацкій, который совершенно

иначе смотритъ на жизнь и на людей, не можетъ нравиться Фамусову. И дѣйствительно, при первой же встрѣчѣ съ Чацкимъ, послѣ его заграничной поѣздки, Фамусовъ начинаетъ съ нимъ горячо спорить, а въ концѣ концовъ затыкаетъ уши и не хочетъ ничего слушать.

Свиданіе съ Софіей приноситъ Чацкому еще меньше удовольствія. Она нисколько не радуется его возвращенію. Ничего она не помнитъ изъ прошлаго, ей только памятна насмѣшливость Чацкаго. Она несправедливо упрекаетъ его въ злоязычіи и язвительно спрашиваетъ:

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали
Ошибкою, добро о комъ сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть...

Чацкій отказывается понимать причину такой холодной, враждебной встрѣчи. За что?

Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя;
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки...
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.

Но мало по малу въ Чацкомъ начинаетъ укрѣпляться мысль, что непривѣтливость и враждебность Софьи слѣдствіе ея новаго чувства къ Молчалину. Вскорѣ эта мысль овладѣваетъ имъ всецѣло. Онъ видѣлъ, какъ была странно взволнована и потрясена Софья, узнавъ, что Молчалинъ, садясь на лошадь, упалъ и ушибся. Но ему трудно примириться съ такимъ выборомъ подруги дѣтства, любимой дѣвушки. Подумайте, говоритъ онъ ей о Молчалинѣ—есть-ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,

Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ,
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душою—*вы*, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать я не могу.
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ-бы я и личному врагу!...
А онъ?.. Смолчитъ и голову повѣситъ!
Конечно—смиренъ, всѣ такіе не рѣзвы.
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;

Богъ знаетъ, за него что выдумали вы.
Чѣмъ голова его вѣвѣкъ не была набита!
Быть может качествъ *вашихъ* тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему.

Но до сердца Софьи не доходитъ этотъ взволнованный, страстный голосъ любящаго ее человѣка. Она не цѣнитъ, почти не замѣчаетъ любви Чацкаго. Изо всего, что онъ сказалъ, одно только запало ей въ память — отзывъ о Молчалинѣ, какъ о смирномъ человѣкѣ. «Горячо его беру я подъ защиту, — страстно восклицаетъ она—

Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ не воздержну на языкъ,
Въ презрѣньи къ людямъ такъ открыту,
Что и смирнѣйшему отъ васъ пощады
нѣтъ? чего!
Случись кому назвать его—
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.

Напрасно Чацкій старается объяснить, что онъ смѣется только надъ людьми, дѣйствительно заслуживающими насмѣшки. Софья знаетъ взглядъ Чацкаго на Молчалина и этого совершенно достаточно, чтобъ враждебное чувство въ ней не только не уменьшилось, но еще

усилилось-бы. Желая отчасти отомстить Чацкому, отчасти обезопасить отъ его насмѣшекъ себя и Молчалина, она распускаетъ слухъ, будто Чацкій сошелъ съ ума. Конечно, всѣ знакомые Фамусовыхъ, всѣ ихъ родные и близкіе немедленно подхватываютъ этотъ слухъ и вотъ Чацкій провозглашенъ сумасшедшимъ.

Между тѣмъ и надъ головою Софьи собирается гроза. Молчалинъ не раздѣляетъ ея страсти. Онъ только прикидывается влюбленнымъ, чтобъ быть пріятнымъ дочери человѣка, отъ котораго зависитъ вся его будущность. Этому низкопоклоннику и общему угоднику гораздо больше нравится горничная Софьи, бойкая и умная Лиза. Софья случайно подслушиваетъ его разговоръ съ служанкой. «Мой ангельчикъ, — нѣжно объясняетъ Молчалинъ Лизѣ.—

Желалъ-бы въ половину
Къ ней (т. е. Софьѣ) то же чувствовать,
что чувствую къ тебѣ,
Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и
простыну!

Лиза стыдитъ его:

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ отвѣчаетъ:

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во первыхъ — угождать всѣмъ людямъ безъ
изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить;
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить:
Слугѣ его, который чиститъ платья;
Швейцару, дворнику — для избѣжанья зла;
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!...

Въ этихъ словахъ — весь Молчалинъ, вся его ничтожная душа, неспособная ни на какое искреннее, прямое и благородное чувство.

Софья въ отчаяньи. Такъ вотъ кого она предпочла Чацкому! Одно утѣшаетъ ее — что въ Молчалинѣ всегда было «меньше дерзости, чѣмъ кривизны души» и что Чацкій, этотъ ужасный Чацкій, остроумный и насмѣшливый, не видитъ ея униженія. Но Чацкій все видѣлъ. Онъ издали наблюдалъ за разыгрывавшейся передъ его глазами сценой. «Скорѣе въ обморокъ», — говоритъ онъ Софьѣ: «теперь оно въ порядкѣ,

Важнѣе давишней *) причина есть тому,
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадки!
Вотъ я пожертвованъ кому!

---

*) Когда Молчалинъ садился на лошадь и упалъ.

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣ-
рилъ:
Глядѣлъ, и видѣлъ, и глазамъ не вѣрилъ!
А милый, для кого забытъ
И прежній другъ, и женскій страхъ, и
стыдъ,
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ!
Ахъ, какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой—гонительница, бичъ!
Молчалины—блаженствуютъ на свѣтѣ!

На шумъ этихъ разговоровъ является Фамусовъ. Онъ видитъ дочь, Чацкаго, Лизу. Для него не остается сомнѣній, что Софья Павловна назначила свиданье Чацкому. Онъ обрушивается упреками на дочь, обвиняетъ ее въ коварствѣ, въ хитрости. Значитъ она только для отвода глазъ называла Чацкаго сумасшедшимъ? «Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ!» негодующе спрашиваетъ Чацкій Софью, но Фамусова нельзя разубѣдить въ ошибкѣ: «Не дамся я въ обманъ,—кричитъ онъ,—хоть подеритесь — не повѣрю!» «тебя, обращается Фамусовъ къ дочери,—я такъ не оставлю.

Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ
съ людьми:
Подалѣе отъ этихъ хватовъ.

Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!
(обращаясь къ Чацкому)
А васъ, сударь, прошу я толкомъ
Сюда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ!

Чацкій даетъ волю своимъ чувствамъ. «Слѣпецъ!» восклицаетъ онъ, «въ комъ я искалъ награды всѣхъ трудовъ?

Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ!.. Вотъ счастье, думалъ, близко...
...А вы? О Боже мой! *Кого* себѣ избрали?
Когда подумаю: *кого* вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли,
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ...
...Сказали-бы, что мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — все противно;
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ?

Вы съ нимъ помиритесь, вѣдь онъ совсѣмъ вамъ пара, насмѣшливо продолжаетъ Чацкій и затѣмъ обращается къ Фамусову:

А вы, сударь, отецъ, вы страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ,
Я сватаньемъ своимъ не угрожаю вамъ;
Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный!...
...Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ, мучителей толпы,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разскащиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простаковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ,—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть съумѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,—

И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не
ѣздокъ!
Бѣгу, не оглянусь! Пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!

Чацкій быстро уходитъ. Фамусовъ сначала стоитъ въ остолбенѣніи, ничего не понимая, потомъ говоритъ дочери: «ну что? не вѣришь ты, что онъ съума сошелъ?

Скажи серьезно?
Безумный! Что онъ тутъ за чепуху мололъ:
«Низкопоклонникъ тесть!» и про Москву
такъ грозно...
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще-ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой! Что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

Эти слова, заканчивающія комедію, чрезвычайно ярко освѣщаютъ личность Фамусова. Для него самое важное—«что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна», т. е. какіе толки, сплетни и пересуды пойдутъ между его знакомыми. Судьба дочери, тѣ опасности, которыми грозитъ Софьѣ ея неразборчивость и увле-

кающійся характеръ — мало заботятъ этого отца. Изъ укоризнъ и сѣтованій Чацкаго онъ ничего не понялъ. Намекъ на Молчалина также скользнулъ мимо его ушей. По мнѣнію Фамусова, Чацкій просто сумасшедшій человѣкъ и о немъ думать не стоитъ, а вотъ что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна—для него дѣйствительно насущный вопросъ.

Кромѣ Фамусова, Софьи, Молчалина и Чацкаго, въ комедіи «Горе отъ ума» передъ нами проходитъ длинный рядъ лицъ, типичныхъ представителей московскаго общества двадцатыхъ годовъ. Вотъ Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ — армейскій полковникъ, не интересующійся ничѣмъ, кромѣ погоновъ, мундирныхъ выпушекъ и петличекъ. Вотъ Платонъ Михайловичъ Горичевъ, когда-то обнаруживавшій нѣкоторую живость ума и смѣлость молодыхъ стремленій. Теперь онъ подъ башмакомъ у жены, пустой и глупой барыни, не отпускающей его отъ себя ни на шагъ. Вотъ князь и княгиня Тугоуховскіе съ шестью дочерьми невѣстами, жаждущими выскочить замужъ, вѣтренными и ничтожными. Вотъ Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій, о которомъ открыто говорятъ, что онъ воръ, плутъ, картежникъ, лгунишка, но котораго всѣ охотно принимаютъ, столь же охотно пользуясь его ус-

лугами. Вотъ старушка Хлестова, злая сплетница, вѣчно занятая пересудами и хвастающая тѣмъ, что дѣла и обстоятельства всѣхъ ея знакомыхъ извѣстны ей, какъ свои собственныя. Вотъ забулдыга, ночной кутила и нестерпимый болтунъ Репетиловъ, объясняющійся въ дружбѣ каждому встрѣчному, кричащій о какихъ-то умныхъ людяхъ, водящій съ ними компанію и въ концѣ концовъ объявляющій, что кромѣ пустыхъ забавъ и пошлаго веселья—все на свѣтѣ чушь.

И среди такого-то общества Чацкій пытается говорить о важныхъ и серьезныхъ вопросахъ, онъ указываетъ на рабское подражаніе всему иностранцому, господствовавшее тогда въ высшихъ кругахъ, «возсылаетъ желанья смиренныя», однако во всеуслышанье,

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустого, рабскаго, слѣпого подражанья:
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комъ нибудь съ душой,
Кто могъ-бы словомъ иль примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.....
...Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ.

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ!

Конечно, современное русское общество во многихъ отношеніяхъ не похоже на общество двадцатыхъ годовъ, изображенное Грибоѣдовымъ въ его знаменитой комедіи, которая написана болѣе семидесяти пяти лѣтъ назадъ. Но Фамусовы, Молчалины, Софьи Павловны, Скалозубы, Загорѣцкіе, Репетиловы, Тугоуховскіе—встрѣчаются и въ наши дни.

Погоня за легкимъ успѣхомъ, радѣніе родному человѣчку въ ущербъ справедливости, угодничество и низкопоклонство, предпочтеніе, оказываемое ничтожнымъ людямъ передъ умными и благородными, бездѣльничество, мотовство, воззрѣніе на жизнь, какъ на вѣчный праздникъ и веселую забаву—все это неизмѣнно живетъ въ любомъ человѣческомъ обществѣ. Несомнѣнно, однако, что отъ насъ самихъ зависитъ или отдать себя во власть этимъ порокамъ, или, устыдясь ихъ безобразія, стремиться стать лучше, честнѣе и благороднѣе.

Литературныя произведенія, подобныя «Горю отъ ума», имѣютъ то драгоцѣнное свойство, что они раскрываютъ обществу глаза на его недостатки и слабости, предаютъ эти недостат-

ки и слабости всенародному осмѣянію и заставляютъ людей внимательнѣе слѣдить за своими поступками и словами.

Не даромъ же теперь, когда мы имѣемъ безсмертную комедію Грибоѣдова и много другихъ великихъ произведеній, обличающихъ общественные пороки и предразсудки, Фамусовы, Молчалины, Скалозубы и Загорѣцкіе не дерзаютъ столь открыто и безбоязненно выставлять на показъ свои безнравственныя дѣянія и мнѣнія. Они, по крайней мѣрѣ, стараются утаить ихъ отъ посторонняго взора и сойти, по виду, за порядочныхъ людей.

Это-ли не громадная заслуга писателя передъ обществомъ?

Въ какой степени мѣтко и вѣрно изобразилъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума» различныя человѣческія свойства, присущія не однимъ только героямъ его комедіи, а громадному большинству людей—доказывается также и тѣмъ, что многія выраженія этихъ героевъ обратились въ пословицы. Иныя изъ нихъ получили самую широкую извѣстность, повторяются безпрестанно, напримѣръ: «счастливые часовъ не наблюдаютъ», «подписано—и съ рукъ долой», «блаженъ, кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ», «что за коммисія, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ». «свѣжо преданіе, а вѣрится съ

трудомъ», «дистанція огромнаго размѣра», «ну какъ не порадѣть родному человѣчку», «злые языки опаснѣй пистолета», «дома новы, да предразсудки стары», «не поздоровится отъ этакихъ похвалъ», «ври, да знай же мѣру», «не надо называть, узнаешь по портрету» и т. д.

Такимъ образомъ значеніе «Горя отъ ума» подтверждается чуть-ли не каждый день въ нашихъ обыденныхъ рѣчахъ и разговорахъ, а потому высокій талантъ Грибоѣдова «безсмертенъ въ памяти русской».

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ
(для аудиторій):

1. Московскій Университетъ.
2. Катенинъ.
3. Хмельницкій.
4. Ермоловъ.
5. Императоръ Николай I.
6. Княжна Чавчавадзе.
7. Пушкинъ встрѣчаетъ арбу съ тѣломъ Грибоѣдова.
8. Могила А. С. Грибоѣдова.
9. Чацкій и Софья Павловна.
10. Фомусовъ застаетъ Чацкаго и Софью.
11. Портретъ А. С. Грибоѣдова.

50к

